

УДК 177

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-1-138-149

А. А. Ефанов

*Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Пушкинская, 18, Оренбург, 460000, Россия*

yefanoff_91@mail.ru

МОРАЛЬНЫЕ ПАНИКИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проводится междисциплинарный анализ моральных паник как феномена современного информационного общества (с позиций культурологического, психологического, конфликтологического и социологического подходов). Делается вывод, что, внося значительный вклад в развитие общего знания о моральных паниках, представленные подходы в большей степени отражают мотивы моральных паник. При этом в рамках данных концепций отсутствует анализ результата системного влияния моральных паник на социум и его институты. В условиях информационного общества изучение моральных паник как социального процесса поможет раскрыть механизмы трансформации социальной структуры, тем самым сформировав представление о моральных паниках как факторе социальных изменений.

Ключевые слова: моральные паники, социогуманитарные исследования, междисциплинарный анализ, информационное общество, медиатизация.

Современное информационное общество функционирует в условиях медиатизации – господства института СМИ, усиления роли Интернета и социальных сетей. Имея ряд явных преимуществ (оперативное информирование социума, повышение индекса общественной осведомленности и др.), медиатизация обуславливает возникновение взаимопротивоположного социального феномена – информационного перенасыщения (Ф. Фуреди), – последствием которого становится конструирование моральных паник как «аффективной реакции индивидов на серию взаимосвязанных явлений, объединенных общим либо сходным проблематизируемым условием, как угрозу разрушения устойчивой системы нравственных норм и духовных ценностей» [Ефанов, 2016. С. 55]. Моральные паники появляются в результате

интенсивной репрезентации в медийном поле прецедентов, связанных с гомосексуализмом, педофилией, наркотизмом, «Группами смерти» и пр.

Рассматривая генезис понятий морали и паники в ранее проведенных исследованиях [Ефанов, 2017], мы определили, что неоднородные механизмы возникновения производных моральной паники обуславливают необходимость ее междисциплинарного анализа – изучения в контексте культурологического, психологического, конфликтологического и социологического подходов.

С позиций культурологического подхода можно найти прообразы моральных паник, зародившиеся в Средневековье во времена «охоты на ведьм», когда общество было уверено, что, одолев колдунов, Западная Европа сможет очиститься от всех бедствий. Ю. М. Лотман называет подобные явления – феноменом истерического страха, при котором «перемена всей жизни, социальных, моральных, религиозных ее устоев и ценностных представлений рождала в массе населения чувство неуверенности, потери ориентировки, вызывала эмоции страха и ощущение приближающейся опасности» [2000. С. 629]. По мнению ученого, в период Ренессанса «надежда и страх, бесшабашная удаль одних и чувство потери почвы под ногами у других тесно переплетались. Это и была атмосфера научно-технического переворота» [Там же. С. 629]. Состояние, описанное Ю. М. Лотманом и именуемое им как феномен истерического страха, можно с некоторой оговоркой рассматривать как прообраз современных моральных паник. В настоящее время моральные паники способен вызвать более широкий круг явлений, несущих угрозу существующему миропорядку, устойчивой системе ценностей.

Психологический подход, в свою очередь, фиксирует такое свойство моральной паники, как массовость. А. П. Назаретян указывает на двойственную природу массовой паники: «С одной стороны, паника может возникнуть безо всякой внешней опасности и в подавляющем большинстве случаев оказывается несоразмерна ей. С другой стороны, никакая внешняя опасность сама по себе недостаточна для возникновения паники» [2001. С. 21–22]. Таким образом, паника понимается ученым как «состояние ужаса, сопровождающееся резким ослаблением волевого самоконтроля». При этом А. П. Назаретян выделяет четыре группы факторов, которые выступают в качестве катализатора массовой паники:

а) социальные – общественная напряженность, вызванная катаклизмами разного происхождения (политического, экономического, военного, природного);

б) физиологические – снижение уровня индивидуального самоконтроля на фоне дезориентирующих состояний (усталость, голод, болезни, алкогольное и наркотическое опьянения);

в) общепсихологические – отсутствие информированности о дезорганизующих процессах, дезадаптирующих индивида, вселяющих испуг, страх и ужас;

г) социально-психологические и идеологические – отсутствие групповой сплоченности, нехватка общепризнанного лидера, смутное понимание и осознание членами общности высокозначимой цели.

Рассматривая моральную панику как одну из форм массовой паники, можно отметить, что определяющими для ее возникновения являются социально-психологические и идеологические группы факторов. Нарастая в процессе конструирования явления, данные группы создают иллюзию безысходности и неразрешимости, тем самым усиливая общий эффект от моральной паники.

Оперируя психологическими категориями, З. Бауман с позиций социологического подхода указывает на социальный аспект панических настроений. Он заявляет о «синдроме тревожного мира», когда в обществе конституируется эффект «нормальных аварий», вызываемый «гнетущим ощущением постоянной опасности, страха перед окружающим миром, нередко вплоть до боязни выйти из дома» [2008. С. 127]. Ученый делает акцент на морально амбивалентном состоянии: отсутствии у индивидов четко очерченных моральных ориентиров, падении моральных принципов и устоев, разрушении существующих норм, вследствие чего общество пребывает в постоянном моральном конфликте, выход из которого оно просто не в состоянии найти.

А. А. Сычев в контексте конфликтологического подхода определяет моральные паники как одну из форм существования скандала. По мнению исследователя, скандал оказывает влияние как на непосредственных его участников, так и на социальные институты и культуру. Он отмечает, что в настоящее время скандалы инспирируют «искусственно сконструированные типы и псевдопроблемы, вызванные неадекватными представлениями о мире или намеренной манипуляцией общественным сознанием» [Дмитриев, Сычев, 2014. С. 320]. Если рассматривать моральные паники как форму существования скандала, можно заметить, что определяющей для их возникновения является намеренное манипулирование массовым сознанием. При этом нередки случаи, когда в погоне за сенсационностью, желая

привлечь аудиторию, журналисты «запускают» моральную панику, не осознавая общий эффект от явления.

Однако «ключ» к обоснованию феномена моральной паники заложен в рамках социологической науки. В 1971 г. Дж. Янг впервые вводит в научный оборот сам термин «моральные паники». С позиций интеракционистского подхода он предпринимает попытку изучить реакции общества на проявления девиации – наркозависимости молодежи. Ученый приходит к выводу о наличии двустороннего процесса: с одной стороны, возникающее в обществе беспокойство усиливает отклонение отдельных групп и общностей, а с другой – «прогрессирующее отклонение провоцирует увеличение социального страха и беспокойства» [Young, 1971. P. 27–61]. В итоге на фоне укрупняющегося двустороннего процесса формируются моральные паники.

Наиболее предметную социологическую интерпретацию феномена моральной паники впервые дает представитель английской школы социологии, интеракционист С. Коэн. В 1972 г. он опубликовывает свои научные наблюдения – реакции на хулиганство в Англии 1960-х – в работе «Folk Devils and Moral Panics». По мнению ученого, «время от времени общества испытывают периоды моральной паники» [Cohen, 2011. P. 46], когда отдельное явление социальной действительности начинает восприниматься как «угроза социальным ценностям и интересам». При этом манипулированию в ходе «моральных кампаний» и «крестовых походов» легче поддаются хорошо знакомые, «проверенные» объекты, характеризующиеся «структурной слабостью». Подобными объектами, воспринимаемыми английским обществом как некое «чертово отродье», стали субкультуры модов и рокеров, достигшие пика популярности в молодежной среде к концу 1960-х гг.

Исходя из теоретических установок С. Коэна, первоначально типичными для возникновения моральных паник считались проявления молодежных субкультур середины XX в. (наркомания, политическая агрессия, вандализм и т. д.), признающиеся девиантными либо делинквентными, причем признаки, по которым складывается понимание о том, что поведение является отклоняющимся от социальных норм, формируют именно медиа. Ученый делает акцент на том, что «средства массовой коммуникации сами по себе давно выступают агентами морального возмущения, своего рода морализаторами: даже если они не участвуют сознательно в “крестовых походах” или не “роются в грязи”, само сообщение определенных “фактов” может быть достаточным для того, чтобы породить обеспокоенность,

тревогу, возмущение или панику» [Ibid. P. 225–226], когда общество не покидает постоянное чувство страха, сопровождаемое вопросом: «Наступит ли всему этому конец?».

Концепция С. Коэна базируется на теории интеракциониста К. Беккера о «моральном предпринимательстве», в основе которой заложен тезис о том, что в отображении девиантности средствами массовой коммуникации видится мотивация – очертить «нормативные контуры общества», когда «галерея народных типов – героев и святых, а также дураков, злодеев и бесов – разворачивается не только в устной традиции и при непосредственных контактах, но и перед гораздо более широкой аудиторией и с использованием гораздо более драматичных ресурсов» [Контексты современности – II, 2001. С. 148].

С. Коэн доказывает, что «само общество способствовало развитию отклоняющегося поведения, изначально рассматривая рабочую среду как имманентно отклоняющуюся от нормы» [Омельченко, 2000. С. 54]. Проводя жесткое разделение «плохих» (неких «виновников от природы») и «хороших» («блюстителей» чистоты рядов и моральных устоев), «медиа выносят решение в споре между конкурирующими определениями ситуации, и поскольку эти определения сделаны в иерархическом контексте, к агентам социального контроля, естественно, будет больше доверия, чем к девиантам» [Другое поле. Социологические практики, 2000. С. 183].

Теоретическому подходу к изучению моральных паник С. Коэна было дано немало критических оценок. К. Тестер замечает: «Коэн почти полностью игнорирует то, что моральная паника может иметь некоторое отношение не только к природе и смыслу девиации, но и к более широким социальным, политическим и экономическим факторам» [Контексты современности – II, 2001. С. 51]. Выстраивая свое исследование на девиации как основном факторе формирования моральной паники, С. Коэн уделяет незначительное внимание первопричине девиации, не пытаясь выяснить, почему подобные отклонения могли возникнуть в обществе. Саму первопричину девиации необходимо искать в протекающих политических, экономических и культурных процессах, оказывающих влияние на социальные отношения между отдельными группами и общностями, что впоследствии может привести к трансформации всей социальной структуры в целом.

Идеи С. Коэна в дальнейшем получают продолжение в рамках одного из направлений неомарксистского течения – Бирмингемской школы. Группа ученых во главе со С. Холлом рассматривает моральные паники в контексте экономических и политических проблем.

При этом в концепции Бирмингемской школы можно обнаружить значительный методологический пробел. Уделив основное внимание процессу конструирования моральной паники посредством медиа, в их исследовании не находит отражение анализ основных потребителей продуктов СМИ – самого общества – и их реакций.

Таким образом, исследования С. Коэна и С. Холла – это стратегия одностороннего анализа, формирующего представление, что якобы само по себе «наличие информации о моральной панике в текстах медиа автоматически приводит к ней» [Hall, 1978. P. 121]. С подобным заявлением готов поспорить К. Тестер, который замечает, что связь между сообщениями СМИ и аудиторией – потенциальным объектом моральной паники – не является первоопределяющей [Tester, 1994. P. 105].

Особый вклад в развитие целостного знания о моральных паниках впоследствии вносят представители контекстуального конструкционизма. Э. Гуд и Н. Бен-Йехуда выстраивают свою концепцию в рамках исследования субъектно-объектных отношений в социальной среде как первоосновы для возникновения моральной паники. Они выделяют три модели конструирования моральных паник: властной элиты (elite-engineered), заинтересованных групп (interest-group) и широких масс (grassroots). При этом, если элита находится в верхних позициях иерархии, широкие массы занимают основание пирамидальной общественной структуры. Социологи соглашались с Ф. Дженкинсом, заявившем, что «моральные паники берут начала ни на верхней, ни на нижней ступени общества, а где-то в среднем слое: профессиональные ассоциации, журналисты с миссией, религиозные группы, организации социальных движений, учебные заведения, по сути, ассоциации, организации, группы и учреждения среднего уровня» [Jenkins, 1992. P. 72]. Каждая из групп в силу собственных установок формирует свой подход к обоснованию моральной паники.

Так, согласно модели широких масс (grassroots), моральная паника обычно характерна для широкого круга лиц. Обеспокоенность, ощущаемая обществом, масштабна, даже если является ошибочной и вызвана чувством, будто бы под угрозой находится что-то особенно ценное для индивидов. Выражения обеспокоенности в других, более организованных, более специализированных секторах – среди средств массовой информации, политиков, активистов и правоохранительных органов – это лишь проявления всеобщего беспокойства. Таким образом, моральные паники понимаются Э. Гудом и Н. Бен-Йехудой как спонтанное проявление страха и озабоченности общества по возникшей или предполагаемой угрозе. Они ограничиваются

ареалом, на котором распространяются городские легенды и слухи, пока не утвержденные господствующими СМИ, поскольку не подкреплены комментариями представителей политической элиты либо действиями медиаконтролеров. Политики или СМИ «разжигают» тревогу по поводу проблем, по которым в обществе уже присутствовал латентный страх или озабоченность. При этом делается определенный акцент на том, что они не могут активизировать интерес общественности к тем вопросам, к которым индивиды изначально безразличны и не испытывают никакого страха. Однако моральные паники в процессе своего развития могут породить особые проявления – популизм, ради которого многие представители политической элиты, собственно, и вступают в «игру».

Идеи Э. Гуда и Н. Бен-Йехуды во многом опираются на теорию «властвующей элиты» Ч. Р. Миллса. Под правящей элитой (элитой власти) он понимает совокупность акторов, «занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия. <...> Это обусловлено тем, что они командуют важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества» [Миллс, 1959. С. 2–3]. В своих руках данные «привилегированные» высшие социальные слои сосредотачивают атрибуты власти, влияния, богатства и престижа. При этом в основе элитарности лежит принцип исключительности, абсолютного привилегированного меньшинства, стоящего на вершине социальной иерархии, наделенного возможностью оказывать влияние на нижестоящие группы общества.

Согласно теории Э. Гуда и Н. Бен-Йехуды, в основе модели властной элиты (*elite-engineered*) лежит принцип того, что правящий класс создает, усложняет или управляет моральной паникой, поскольку самые богатые и влиятельные члены общества сознательно проводят кампании с целью формирования и поддержания озабоченности и страха со стороны общественности по вопросам, которые обычно не рассматриваются как социальная опасность. Как правило, такие кампании призваны отвлечь внимание общества от реальных проблем, угрожающих социальной целостности, или представляют собой способ «сведения счетов» с группами, которые подрывают интересы элиты, выражают несогласие с утвержденной ею программой и проводимой политикой. В такой ситуации правящая элита создает «отвлекающий маневр» диверсионного и ложного врага, чтобы исключить из фокуса внимания «реальные проблемы, которые могут

в действительности представлять угрозу интересам всего социума» [Goode, Ben-Yehuda, 2009. P. 69–70].

Посредником между обществом и властной элитой выступают средства массовой информации. Они провоцируют формирование моральных паник по поводу тех проблем, которые смогут привести к ужесточению «карательных мер» со стороны силовых структур. В конечном счете это будет способствовать распространению влияния власти, обуславливая превращение «моральной паники в движущий инструмент передачи доминирующей идеологии» [Killingbeck, 2001. P. 188].

При этом можно говорить о запуске процесса стигматизации, когда, используя инструменты символизации, индивиды начинают отождествлять образ жизни, поведение и нравы «виновников» как признаки девиации, на основании которых, пытаясь обособить от общества социальные группы с близкими к девиантам установками, изолировать их как социально опасные. А. А. Сычев акцентирует особое внимание на значимости публичного негодования, поскольку оно «позволяет элитам легитимировать репрессии и усиливать карательные меры против молодежи, рабочих и чернокожих, подавляя тем самым все возможные протесты с их стороны. Именно в этом и заключается «управление кризисом» [Дмитриев, Сычев, 2014. С. 199]. Стратегия «управления кризисом» представляет собой явное или косвенное поддержание со стороны представителей политической элиты репрессивно-карательных настроений, тем самым укрепляя в сознании индивидов установку о силовых методах борьбы с «нарушителями» как единственно возможном пути обретения социального порядка.

Таким образом, с точки зрения модели властной элиты, моральная паника основывается на идеологии, применяющей технологию эмоционально-морализаторского дискурса. Спекулируя высшими ценностями, применяя риторику разрушения в зависимости от господствующей в обществе идеологии, происходит мифологизация социальной действительности. В итоге социальный субъект лишается критического осмысления происходящих событий, оперирует исключительно гиперобразами угроз пессимистического или даже апокалиптического характера, которые априори провоцируют у него аффективные реакции.

Что касается третьей модели Э. Гуда и Н. Бен-Йехуды – заинтересованных групп (interest-group), – то ее сторонники не считают, что общество контролируется сверху, поскольку интересы членов групп, организаций и ассоциаций среднего уровня противоречат ин-

тересам властной элиты, и первые, в свою очередь, часто инициируют кампании перед лицом оппозиции элиты. Продвижение моральной паники по «идеологическим причинам» почти неизбежно влечет за собой доминирование статуса и материальных интересов группы, которая одновременно продвигает свою идеологию и этику. Моральная паника зачастую вырастает из «крестовых походов» против угрозы, которые обычно инициируют заинтересованные группы. В этой связи основное объяснение моральной паники следует искать, исходя из заинтересованности общественных активистов, которые, как правило, выступают в качестве прямых или косвенных изъясителей воли властной элиты.

Э. Гуд и Н. Бен-Йехуда делают важное заключение о необходимости изучения всех моделей, применяемых к пониманию того или иного социального прецедента. Разнородность общественных проявлений заставляет учитывать множество субъектов. Кроме того, моральная паника должна рассматриваться на всех социальных уровнях (от низового до элиты) и спектрах (от идеологии и морали на одном полюсе до грубого статуса и материальных интересов – на другом).

Таким образом, можно проследить этапность в обосновании феномена моральной паники.

1. Интеракционистский подход: моральные паники как реакции общества на проявления девиации.

2. Неомарксизм: моральные паники как «побочный продукт» конструирования экономических, политических и социальных проблем.

3. Контекстуальный конструкционизм: три модели конструирования моральных паник – властной элиты (*elite-engineered*), заинтересованных групп (*interest-group*) и широких масс (*grassroots*).

Внося значительный вклад в развитие общего знания о моральных паниках, представленные подходы в большей степени отражают мотивы моральных паник. При этом в рамках данных концепций отсутствует анализ результата системного влияния моральных паник на социум и его институты. В условиях информационного общества изучение моральных паник как социального процесса поможет раскрыть механизмы трансформации социальной структуры, тем самым сформировав представление о моральных паниках как факторе социальных изменений.

Список литературы

Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.

Дмитриев А. В., Сычев А. А. Скандал. Социофилософские очерки: Моногр. М.: ЦСП и М, 2014.

Другое поле. Социологические практики / Под ред. Е. Л. Омельченко, С. А. Первильева. Ульяновск: Изд-во гос. науч. учреждения «Средневожский научный центр», 2000.

Ефанов А. А. Моральные паники как фактор социальных изменений: Дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2016.

Ефанов А. А. Эмотивно-морализаторский дискурс как технология конструирования моральных паник // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3 (47). С. 88–93.

Контексты современности – II: Хрестоматия / Сост. и ред. С. А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.

Лотман Ю. М. Технический прогресс как культурологическая проблема // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 611–657.

Миллс Р. Властвующая элита / Пер. с англ. Е. И. Розенталь, Л. Г. Рощаль, В. Л. Кон. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения. Лекции. М.: Пер Сэ, 2001.

Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Ин-т социологии РАН, 2000.

Cohen S. Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers. London: Routledge, 2011.

Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: the Social Construction of Deviance. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.

Hall S. *Policing the Crisis: Mugging, the State, and Law and Order*. London: Macmillan, 1978.

Jenkins P. *Intimate Enemies: Moral Panics in Contemporary Great Britain* Hawthorne. New York: Aldine de Gruyter, 1992.

Killingbeck D. The Role of Television News in the Construction of School Violence as a «Moral Panic» // *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*. 2001. No. 8 (3). P. 186–202.

Tester K. *Media, Culture and Morality*. London: Routledge, 1994.

Young J. The Role of the Police as Amplifiers of Deviance // *Images of Deviance* / Ed. by S. Cohen. London: Penguin Books, 1971. P. 27–61.

A. A. Yefanov

*Orenburg State Pedagogical University
18 Pushkin Str., Orenburg, 460000, Russian Federation*

yefanoff_91@mail.ru

MORAL PANICS IN THE CONTEXT OF THE HUMANITIES AND SOCIAL STUDIES

The article presents an interdisciplinary analysis of moral panics as a phenomenon of the modern information society (from the standpoint of cultural, psychological, conflictological and sociological approaches). It is concluded, that by making a significant contribution to the development of general knowledge about moral panics, these approaches reflect, to a greater extent, the motives of moral panics. At the same time, within the framework of these conceptions, there is no analysis of the result of the systemic influence of moral panics on the society and its institutions. In the context of the information society, the study of moral panics as a social process will help uncover mechanisms for transforming the social structure, thereby forming an idea of moral panics as a factor of social changes.

Keywords: moral panics, humanities and social studies, interdisciplinary analysis, information society, mediatization.

References

Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [*Flowing Modernity*] / Transl., ed. Yu. V. Asochakov. St. Petersburg, Piter, 2008. (In Russ.)

Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers*. London, Routledge, 2011.

Dmitriev A. V., Sychev A. A. *Skandal. Sotsiofilosofskie ocherki: monografiya* [*Scandal. Sociophilosophical Essays: Monograph*]. Moscow, 2014. (In Russ.)

Drugoe pole. Sotsiologicheskie praktiki [*Another Field. Sociological Practices*]. E. L. Omel'chenko, S. A. Pervilev (eds.). Ul'yanovsk, Srednevolzhskii nauchnyi tsentr, 2000. (In Russ.)

Goode E., Ben-Yehuda N. *Moral Panics: the Social Construction of Deviance*. Oxford, Wiley-Blackwell, 2009.

Hall S. *Policing the Crisis: Mugging, State, and Law and Order*. London, Macmillan, 1978.

Jenkins P. *Intimate Enemies: Moral Panics in Contemporary Great Britain* Hawthorne. New York, Aldine de Gruyter, 1992.

Killingbeck D. The Role of Television News in the Construction of School Violence as a «Moral Panic». *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*, 2001, no. 8 (3), p. 186–202.

Konteksty sovremennosti – II: Khrestomatiya [Contexts of Our Time – II: Reader] / Comp. and ed. S. A. Erofeev. Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta, 2001. (In Russ.)

Lotman Yu. M. Tekhnicheskii progress kak kul'turologicheskaya problema [Technical Progress as a Cultural Problem]. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki (1968–1992)* [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside the Thinking Worlds. Articles. Research. Notes (1968–1992)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2000, p. 611–657. (In Russ.)

Mills R. *Vlastvuyuschaya elita [The Ruling Elite]* / Transl. E. I. Rozental', L. G. Roshal', V. L. Kon. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1959. (In Russ.)

Nazaretyan A. P. *Psikhologiya stikhiinogo massovogo povedeniya. Lektsii [Psychology of Spontaneous Mass Behavior. Lectures]*. Moscow, Per Se Publ., 2001. (In Russ.)

Omel'chenko E. L. *Molodezhnye kul'tury i subkul'tury [Youth Cultures and Subcultures]*. Moscow, In-t sotsiologii RAN, 2000. (In Russ.)

Tester K. *Media, Culture and Morality*. London, Routledge, 1994.

Yefanov A. A. Emotivno-moralizatorskii diskurs kak tekhnologiya konstruirovaniya moral'nykh panic [Emotive-Moralistic Discourse as a Technology of Moral Panics Constructing]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*, 2017, no. 3 (47), p. 88–93. (In Russ.)

Yefanov A. A. *Moral'nye paniki kak faktor sotsial'nykh izmenenii: dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.04 [Moral Panics as a Factor of Social Changes: Dis. PhD]*. Saransk, 2016. (In Russ.)

Young J. The Role of the Police as Amplifiers of Deviance. *Images of Deviance*. S. Cohen (ed.). London, Penguin Books, 1971, p. 27–61.